

Катаев. В.

1/II 1987 г.

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 5, 1 февраля 1987 г.

С. - 9

ДРУГ МОЙ — ВАЛЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О В. КАТАЕВЕ

Меньше года не дожил до своего 90-летия Валентин Катаев — Герой Социалистического Труда, один из первых иностранных писателей — членов-корреспондентов Гонимой академии, москвич с неистребимым одесским акцентом...

ЧТО-ТО НЕЖНО звякнуло в тишине дома и звук будто ушел на дно. Пока раздумываю, нажать ли еще раз кнопку у двери, откуда-то тихим шелестом всплывают шаги. Частые и шаркающие. Щелчок замка.

— Здравствуй. Вы Наталья Ермиловна?

— Проходите. Мы вас ждали. Женя сейчас освободится.

Еще час назад я держал в руках голубой альбомчик с надломленным якорьком на бархате: «Белая ленточка в русской головке. Хитрые глазки блестят у плутовки. Щечки стыдливо пылают как роза — Тася прекрасна, как вешняя греза. В. К.».

Ее девичий альбом 1912 года — в литературном музее: отдала на юбилейную выставку Катаева. Но даже тысячи экспонатов не заменят живой памяти одного человека. А в доме помнят Валу трое: она — Наташа, как называли ее в детстве — Тася, младшая — Люся (с ее детской коляски когда-то открыли колеса Валя и их старший брат Женя, чтобы построить модель аэроплана Блерио, описанную в «Волшебном роге Оберона») и, наконец сам Евгений Ермилович Запорожченко. Тот самый Женька Дубастый из «Волшебного рога Оберона», романа «Белеет парус одинокий».

«...И тут же мне почему-то представилось, что лучше Женьки, — реалиста по прозвищу Дубастый — мне товарища не найти».

Впрочем, наверное, есть и четвертый, кто не хуже знал долговязого гимназиста Валу с круглым лицом и чуть раскосыми узковатыми глазами. Конечно, это Дом. Вычурные колонки и перильца, кованая решетка... Все изящно снаружи, а изнутри видно, что Дом — старик. Трещинки на стенах, скрипит паркет, потемнела от времени мебель... Тут в подвале Валя и Женя ставили спектакли, и родители не досчитывались тонких голландских простыней — какой же театр без занавеса?

Улица Уютная, а рядом Отрадная, Ясная... Где-то в самом конце под склоном за домами море, и в январе солнце на закате словно вмерзает в лед залива.

Уютная, Отрадная, Ясная — адреса их детства, улицы катаевских книг.

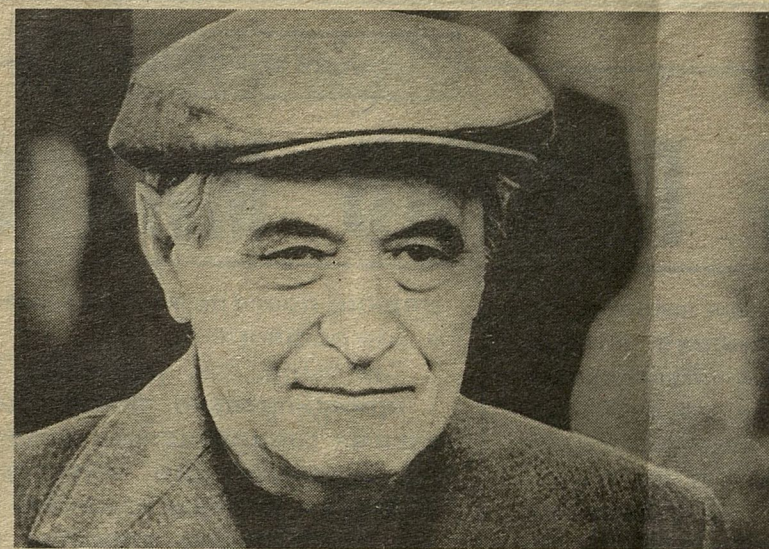
— Он все пытался рифмовать, а приглянусь — все какой-то смущенный. Потом, ох! — Наталья Ермиловна всплескивает в ладоши, — иду по нашей улице, вдруг офицер какой-то подлетает и целует в щеку. Я в крик! Потом гляжу, так это ж Валя — с германской вернулся...

Шел шестнадцатый год. Еще недавно Дубастый и Китаец (Катаев — Китаев — Китаец — так произошло это детское уличное прозвище) ловили на восковой шарик, привязанный к веревочке, тарантулов и устраивали им бои в банке, обрывали еще не поспевшие абрикосы в соседних садах, на миндальные пирожные и сельтерскую ушел первый поэтический гонимый Катаева — 1 рубль.

Кто мог представить, что жизнь так круто и надолго готовилась разбросать их, что нужно запоминать о Вальке Китаце каждую мелочь, потому что через 70 лет им, оказывается, будут так интересоваться?

Коллекционеры, сотрудники музея найдут старые фото, письма, книги. Обнаружат и передадут на юбилейную выставку семнадцать стихотворений, адресованных Катаевым Ирзэне Алексинской. Он писал ей с фронта первой мировой, а потом описал трех сестер Ирзэну, Шуру и Муру в «Зимнем ветре» и «Юношеском романе», как сестер Заря-Заряничих.

Уйдя из города, где родился и вырос, на полстолетия и больше, Катаев продолжал рассказывать об Одессе. Важно ли, сколь реальными

в его повестях, романах и рассказах были люди и ситуации? Для литературоведов, коллекционеров, да просто для читателей Катаева это оказалось важным. Вот, может быть, менее всех изученная повесть «Уже написан Вертер». Ее в 1980 году опубликовал «Новый мир». Хотя удалось найти прототипов почти всех героев, тут многое — загадка, даже само название разбросано по всей повести — от заглавия до последней страницы. Неполное четверостишие Пастернака — «Уже написан Вертер, а в наши дни и воздух пахнет смертью: открыть окно, — что жили отворить».

У Катаева всегда личный опыт неразделим с жизнью героя и, читая «Вертера», невольно вспомнишь фразу, сказанную задолго до того, как сесть за повесть, в автобиографии, опубликованной шестьдесят лет назад: «Гражданская война 1918—1920 годов на Украине замочила меня в доску, швыряя от белых к красным, из контрразведки в чрезвычайку. В общей сложности за

это время в тюрьме я просидел не менее восьми месяцев».

В апреле 1921 года покинул Одессу сотрудник ЮгРОСТА Валентин Катаев. В двадцать втором выходит его первая московская книжка, правда, пока это еще не проза, а что-то близкое к агитке «Новая жилищная политика». Что такое самоуплотнение, как бороться с жилищным кризисом — это была не просто черновая, а очень нужная разъяснительная работа.

...Воспоминания как бы растягивают судьбу, делают осязаемее, видимее начало — теперь это дальний край жизни. Когда тебе восемьдесят девять, и ты можешь вспоминать — это уже немало. Но ты ведь еще пишешь сценарий о памятниках родного города, умываешься по утрам холодной водой, умеешь мастерски рассчитывать площадь парусов для яхты, ходишь в галстук-бабочке... Запорожченко вспоминает:

— Первую Валину книгу я увидел и прочел во Франции. «Белеет парус

одинокий» на французском. Потом, конечно, все на русском перечитал.

В 1918 году студент кораблестроительного факультета Женя Запорожченко ушел практикантом на пароходе «Херсон» в рейс Одесса — Порт-Санд — Джибути — Аден — Коломбо — Нагасаки... В плавании капитан получил телеграмму «В Одессе красные» и возвращаться в порт приписки не захотел. У Запорожченко плавание продлилось тридцать пять лет. Он жил в Германии, Франции, участвовал в Сопротивлении, гостил у Бунина, которого Катаев всю жизнь считал своим учителем.

Жене и Вале не понадобилось усилий, чтобы возобновить детскую дружбу. Назадолго до смерти Валентин Петрович прислал в Одессу книгу: «Жене Запорожченко — самому верному и самому старому другу, с которым прошла молодость».

— Последний раз Валя приезжал в Одессу десять лет назад, — рассказывает Евгений Ермилович. — Был здесь сутки. Мы поехали на улицу Баранова, где когда-то квартировал Бунин. Катаев вспомнил до мелких подробностей, какая в ней стояла мебель. Потом отправились за город, искали «хуторок в степи». Помните книгу? Но ничего от того хуторка не осталось... А вечером он улетел.

Вместе с огромным псом Арго Евгений Ермилович провожает меня. Подсиненный вечером, будто свежестырянный, лежит снег на Уютной. Той самой улице, где, как по мановению волшебной палочки, когда-то появлялась фигура Женьки Дубастого, печально возвращавшегося из своего реального училища, там он схватил две двойки и был к тому же оставлен на час после уроков. Они встретились с другом Валием.

Это было вчера или восемьдесят лет назад...

Виктор ЛОШАК.